

Они обязательно вернуться

Своими воспоминаниями об освобождении Гомеля поделилась с нами Тамара Кирик:

“Для меня годы оккупации — самый страшный период в жизни. Я видела войну глазами ребенка: в июне 1941 года мне было 11 лет, но вместе с тем, как сейчас помню утро 22 июня — начало этой страшной войны.

В то раннее утро папа и мама вернулись с базара и принесли эту страшную весть. Отец был молчалив и озабочен. У нас в семье было трое детей. Отец вскоре был призван в армию. Все заботы о нас легли на плечи матери. На нашей улице остались в основном только женщины, старики и дети. Спустя некоторое время, город начали бомбить фашисты. Налеты происходили ночью, было очень страшно. Вой сирены, свист падающих бомб, грохот взрывов — все это сливалось в такой кромешный ад, что, казалось, жизнь остановилась. Чтобы не погибнуть, мы вырыли на переулке Энгельса убежище, куда прятались во время очередного налета. В один из августовских дней мы находились в своем убежище, когда вдруг открылся люк, в проеме появился фашист и закричал: “Партизаны, партизаны!”

Мама вылезла первой и объяснила ему, что здесь нет партизан, а прячутся от бомбежек дети. Немцы всех, кого нашли в укрытиях, собрали в одном месте и приказали сидеть на земле. Мы молча смотрели на этих грязных, запыленных, с красными лицами вояк, которые грабили дома и требовали: “Матка, яйца, млеко...”. Вдруг неожиданно подвели офицера Красной Армии, он остановился рядом со мной, такой молодой и красивый, что запомнился мне на

всю жизнь. Я прижалась к маме и с восторгом и удивлением смотрела на него. В отличие от немцев на нем была чистая гимнастерка с голубыми петлицами и темно - красными кубиками на них. Трое фашистов стояли в сторонке и о чем-то разговаривали. Один из них посмотрел на меня, затем подошел к пленному, отвел в сторону, снял с плеча автомат и расстрелял его. Затем подвели еще четверых наших солдат, один был ранен. Тот же фашист поднял автомат и дал очередь, красноармейцы упали замертво. Мне стало холодно, начало трясти, слезы заливали глаза. Мама крепко прижала меня к себе и стала успокаивать. Но мне никогда в жизни потом не было так холодно, как в тот жаркий августовский день. Дрожь не унималась до вечера. Поздно ночью собрались женщины и решили похоронить наших воинов. Для офицера выкопали яму под березкой, а я побежала домой, взяла самое красивое покрывало, что было в доме, и им укрыло его тело. Мама ничего не сказала, только посмотрела на меня, и ласково прошептала: “Не плачь, доченька, они скоро вернуться, они живые, надо только чуть-чуть подождать”. Солдат похоронили рядом с офицером. С тех пор я каждый день ждала...

...Мы ушли жить к родственникам в деревню Носовичи. Обменивали одежду, обувь, табак, другие предметы обихода на еду. Но вскоре и там стало жить очень тяжело, пришлось вернуться в Гомель.

Жизнь в оккупации была очень тяжелой, особенно зверствовали полицаи и их “прихвостни”. И сейчас я не могу без содрогания говорить о том, когда мерзлая картошка была вкусней любой конфеты. Дни

ожидания тянулись медленно, и, порой, казалось, что эта война не закончится никогда. Однажды в четыре утра в двадцатых числах ноября полицаи стали сгонять всех жителей нашей улицы к Кузнецкому мосту, а затем повели в направлении деревни Рандовка. Когда мы проходили через деревню, нам удалось спрятаться в бане дальних родственников. Позже еще три семьи, которым удалось убежать, присоединились к нам. Так мы жили несколько дней. Утром 25 ноября немцы быстро начали грузить военное имущество в автомашины, сматывать катушки с проводами, на ходу запрыгивали в кузова автомобилей. А через какое-то время все стали говорить, что в деревне Прибор уже наши. В то утро, 26 ноября, подморозило, но мы с братиком босиком побежали по льду, чтобы увидеть своих освободителей. Когда осталось совсем не далеко до деревни, мы увидели женщину, бежавшую нам на встречу и махавшую руками. Мы замерли на месте, а когда она подошла, то сказала, что нам надо возвращаться обратно, потому что это не наши солдаты — у них на плечах погоны. Но скоро все выяснилось: на мотоцикле с коляской подъехали солдаты с погонами. Один из них подошел к нам и сказал: “Не бойтесь — мы свои, я сержант Скороходов”. Взял меня на руки и высоко подбросил. И мне показалось, что этот сержант был очень похож на расстрелянного в августе 41 года командира, такой же красивый и молодой”.

А. БЕЛАШ